

П. Г. Мартысюк

Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения

В статье исследуется циклическая парадигма культуры. В рамках мифологической картины мира циклическая парадигма раскрывается в неизменно повторяющихся вариациях культуры, придавая им статус вечности и постоянства. Сохраняя в своем смысловом конструкте черты мифа, она определяет направленность культурно-исторических типов, включающих космоцентрическую, теоцентрическую, антропоцентрическую мировоззренческие установки.

Ключевые слова: миф, мифологизированный историзм, природа, космогонические мифы, христианская культура, возвращение в вечность, цикличность, циклическая парадигма культуры.

P. Martysiuk. Cyclic paradigm of culture: the path of self-determination

The article examines the cyclic paradigm of culture. Within the mythological picture of the world, the cyclic paradigm is revealed in the invariably recurring variations of culture, giving them the status of eternity and constancy. Preserving the features of the myth in its semantic construct, it determines the orientation of cultural-historical types, including the cosmocentric, theocentric, anthropocentric world outlook.

Keywords: myth, mythologized historicism, nature, cosmogonical myths, Christian culture, return into eternity, cyclicity, cyclic paradigm of culture.

Циклическая парадигма культуры являет собой мировоззренческую установку, объединяющую в своём концептуальном поле систему теоретических знаний, представлений и верований, связанных с социокультурными динамическими процессами, которые мыслятся как возвращающиеся и повторяющиеся. Благодаря феномену цикличности циклическая парадигма культуры оказывается представленной в качестве устойчивого структурно-смыслового образования, включающего многослойные топологические уровни цикличности локального, универсального и регионального типов.

Применительно к культуре цикличность, будучи представленной в отдельных модификациях, обладает как профанной, так и сакральной природой. **Сакральная природа цикличности раскрывается** в ее обусловленности феноменом вечности, придающем цикличности трансцендентальные ориентиры. Ориентация на вечность выводит цикличность за рамки обычной повторяемости и раскрывается через тягу к обретению полноты бытия, т. е. его устойчивых параметров и ориентиров развития в отдельных воспроизводящих себя формах культуры, обнаруживающих стремление к неизменному присутствию в изменчивом мире. Профанная природа цикличности, как правило, формируется вне сферы трансцендентального опыта и утверждается в ряде опрошённых вариаций культуры, утративших истинный смысл целеполагания. К таковым можно отнести: бессмысленное повторение, бесконечное движение, все то, что по своему содержательному наполнению формирует порочный круг бытия. Деструктивная сторона цикличности распространяется на отдельные проявления культуры, а также различного рода артефакты, символизирующие конечность бытия.

Среди циклов, изначально детерминирующих природу циклической парадигмы культуры на ранних этапах ее становления, выступают повторяющиеся природные явления. К таковым следует отнести вегетацию, метаморфозу, регенерацию и др. повторяющиеся явления. Все они отражают своеобразие бытия растительного и животного мира, способность как воспроизводить себя, так и сохранять свою сущность в пределах повторяющегося цикла. Здесь следует указать на то, что завершающий момент отдельно взятого цикла предвещает последующее восстановление, расставляющее вещи на отведённые для них места в рамках последующего цикла. Смерть (разрушение), на первый взгляд казавшаяся полной, непосредственно подготавливает будущность в рамках последующего цикла. В определённой мере это соотносится с циклическими процессами в природе. К примеру, смерть древесной почки приводит к рождению листа. Через определённый отрезок времени почка, исходя из очередного вегетативного цикла растения, появляется вновь — и так продолжается до бесконечности. Подобного рода метаморфоза свойственна и представителям фауны, в особенности насекомым. Оказываясь на новом уровне превращения, биологическая особь претерпевает смерть на

предыдущем и возрождается на последующем уровне. При этом необходимо обратить внимание также и на то, что разрушение отдельно взятой ипостаси осуществляется во имя утверждения жизни субстанции, которой удается воспроизводить себя до бесконечности. Возможно, отсюда и проистекает мифологическая мысль о способности субстанции сохранять свою неизменность на фоне периодического разрушения её составляющих. Если сам плод содержит новые зёрна, то это «указывает на то, что следствие может, в свою очередь, играть роль причины на другом уровне в соответствии с циклическим характером проявления; но для этого нужно ещё, чтобы оно в некотором роде перешло из «явного» в «скрытое» [1, с. 107—108].

Периодическое обновление природы в круге мифологических представлений неотъемлемо связывается с присущим ей источником жизненной силы и бессмертия, гарантирующей вечную жизнь всему существу. Отмечается, что в процессе эволюции культуры фетишистско-анимистическая система представлений, основанная на сакрализации природных циклов, сменяется на антропоморфическую, в последующем получившую оформление в учении о природном универсуме. Циклические природные процессы в последующем выступают одним из источников формирования циклической парадигмы культуры, выстроенной на системе мифологических представлений и ранних религиозных воззрений о неизменно восстанавливающихся формах природного бытия.

Циклическая парадигма архаической культуры раскрывается в учении о неизменно повторяющихся архетипах и их семантической однотипности в мифологических верованиях различных народов мира. В области мифотворчества параллелизм различных культурных форм носит поистине всеобъемлющий характер. Единообразие мифологических сюжетов, архетипов и символов у различных народов можно объяснить тем, что эволюция мировоззрения человека во всех регионах земного шара осуществлялась в одном направлении. В различных культурах мы обнаруживаем общность сюжетов, архетипов, а также функционирование различных мифологических систем на основании одних и тех же исходных принципов. В связи с этим различные мифологические параллели вполне могут быть объяснены определёнными типологическими основаниями, а не рассматриваться в качестве прямых заимствований.

Сам по себе миф, отчасти представляющий рефлексию природных циклов, являет собой наиболее древнюю форму культуры, выступающую благоприятной почвой формирования циклической парадигмы. Во многом это объясняется тем, что миф обладает устойчивой структурой, состоящей из элементов, репрезентирующих опредмеченные вариации цикличности. Отмечается, что смысловое поле мифа образуют две реальности: естественная и сверхъестественная. Потусторонняя (сверхъестественная) реальность, присутствующая в мифе, опредмечивается в реальное, осязаемое, переживаемое жизненное событие. По этой причине идеальное и реальное, чувственное и сверхчувственное не противостоят друг другу, а пребывают в согласии и перманентном взаимодействии. Сближение двух разновидностей познания в мифе — естественной и сверхъестественной — приводит к тому, что предмет или действие обретают особую мифическую значимость. При этом благодаря сверхъестественной природе мифа перед человеком открывается возможность восполнения и созидания себя в бытии, в котором для него нет весомых природных оснований, в том числе и трансцендирования за рамки временной ограниченности.

Цикличность выступает в качестве матрицы мифа, детерминированной особенностями его пространственной структуры. В пространственно-временном измерении мифа цикличность представлена в семантических вариациях сущего, реализующихся в системе бинарных оппозиций. Бинарные оппозиции, формирующие внутреннее пространство мифа, связаны гомеоморфными отношениями и в совокупности формируют инверсионный вариант цикличности. Благодаря инверсии циклические процессы в замкнутом мифологическом пространстве уподобляются маятниковым колебаниям от одного полюса мифосемантических значений к другому. Повторяемость элементов бинара в рамках мифологического сознания имеет целью обнаружение и выделение культуры как дискретного образования в противовес непрерывному и неконтролируемому хаотическому началу природы.

В архаической культуре миф взаимодействует с ритуалом и в совокупности с ним образует мифоритуальный комплекс. В мифоритуальном комплексе, связанном с идеей сакрального первоначала, цикличность организуется по вертикальной схеме (низ—верх—низ), что становится возможным благодаря соотнесённости сверхъесте-

ственной (сакральной) и естественной (профанной) пространственно-временных сфер мифа. Взаимодействие сакральной и профанной сфер приводит к воспроизводству отдельных вариаций повседневного бытия в пространственно-временном измерении мифа. Благодаря тесной связи с ритуалом, который выступает действенной стороной мифа, последний выполняет важнейшую функцию, связанную с поддержанием культурных традиций, формированием культурно опосредованного отношения к жизни и смерти, а также сохранением исторического прошлого человечества. Мифоритуальный комплекс направлен на реактуализацию сакраментальной реальности мира и культуры, что в соответствии с циклической парадигмой становится возможным тогда, когда мифоритуальное действие наделяется способностью реактуализировать сакральное прайдействие.

Стабильность и неизменяемость являются неотъемлемыми чертами мифоритуального комплекса. Мифы и ритуалы, как правило, из поколения в поколение передавались внерефлексивно и имплицитно. Многократное повторение идентичных программ в культуре, где отсутствуют иные мировоззренческие альтернативы, формирует в человеке безусловную убежденность в их достоверности. Кроме этих программ в мифологическом сознании нет иных мировоззренческих основ, а имеющийся базис в результате повторения оказывается укоренен и зафиксирован в памяти культуры до такой степени, что не подвергается сомнению и воспринимается как данность.

В рамках античной картины мира циклическая парадигма раскрывается в представлении о едином космическом цикле, включающем множество частных циклов, к которым можно отнести природно-календарные, промыслово-хозяйственные, исторические и жизненные циклы человека. При этом применительно к античности мы вправе говорить о схожести природы циклов, распространяющихся, казалось бы, на совершенно различные сферы бытия. В частности, подобное можно засвидетельствовать в отношении мифологического историзма и природы. «Античная мысль устраняет противоречие и стирает грани между миром природы и миром истории, а также культуры, космосом и человеческим обществом. Как и природа, история представляет собой процесс вечного повторения, согласно которому каждое последующее событие по своей важности не превосходит предшествующее» [2, с. 165].

В классической античности человек представлен как микрокосм, проживающий циклы по аналогии с космическими. В определённой мере это свидетельствует о биологических истоках циклических модификаций культуры и космических принципах формирования античной культуры. В качестве космоцентрической мировоззренческой установки циклическая парадигма определяет смысловое содержание античного типа культуры. В античности идея космоса не ограничивается исключительно природным измерением, а непосредственно отражает процессы гармонизации в культуре, обусловленные преодолением Хаоса и последующим водворением Космоса. Будучи детерминированной мифорелигиозным сознанием, циклическая парадигма обладает всеобъемлющей сакральной космичностью, распространяющейся на продолжительные периоды древней культуры и, соответственно, древнего искусства. В античности диалектика космоса (рационального) и хаоса (иррационального) находит своеобразное воплощение в системе представлений о судьбе, предвещающей рождение древнегреческой трагедии. Будучи включённым в космический ритм, трагический герой не разделяет его в представленной полноте. По мере ослабления космоса и его переходе в хаос он претерпевает падение, в последующем так и не встраиваясь в самовосстанавливающийся космос.

В рамках христианской религиозной парадигмы обосновывается кризис языческого феномена цикличности, который рассматривается как вариант бессмысленного коловращения, внешнего принуждения, выраженный в опредмеченных формах и семантических вариациях физического бытия. В христианской эсхатологии, демонстрирующей линейную модель развития, языческий феномен множественности циклов замещается единым циклом, определяющим возвращение человека к источнику вечной благодати. «Благодаря вхождению Христа в мир человеку даётся не что-либо совершенно новое, но возвращается потерянное. Однако победа воскресшего Христа в ограниченности земного времени не проявилась до конца. Лишь всеобщее воскресение в полной мере обнаружит триумф искупления Христа. Только в результате окончательного возвращения всех в идеальное состояние становится возможным совершенное уничтожение зла в мире» [2, с. 61]. Циклическая парадигма в христианстве в итоге оказывается зафиксированной в едином разомкнутом цикле, возвращающем челове-

ка в вечность. Земная история, взятая в целом, в средневековой картине мира представляет собой завершённый цикл, где человек и мир возвращаются к творцу, а время возвращается в вечность.

Восприняв феномен цикличности, оформившийся в Античности, мыслители эпохи Возрождения выработали к нему свое отношение. Цикличность у них сводилась не к периодическому возврату, затрагивающему интересы целостной истории, а к круговороту только отдельных исторических форм. Это свидетельствует о том, что гуманистическая теория круговорота приобрела феноменальный, а не сущностный характер.

В культуре Нового времени циклическая парадигма, изначально утвердившаяся в рамках мифорелигиозной традиции, утрачивает свой универсальный, вселенский характер и распространяется лишь на отдельные стороны культурного и исторического опыта. В учении О. Шпенглера и А. Тойнби о культурно-исторических типах представлены различного рода эсхатологические и апокалиптические ассоциации, высвечивающие конструктивную и деструктивную природу мифологического историзма. В учении О. Шпенглера цикличность напрямую связывается с деструктивной стороной мифологического историзма, реализующего принцип аннигиляции отдельно взятой культурной индивидуации, с последующим восстановлением жизни в другой культурно-исторической форме. Утверждается, что в кризисные периоды современной культуры мифологический историзм раскрывается в крайне мифологизированных схемах истории, репрезентирующих одномерность в восприятии культуры. В период культурного подъёма проявляется конструктивная направленность цикличности, благодаря которой мифологический историзм органично вплетается в динамические социокультурные модели, придавая им гибкость и многомерность.

Современная культура не только не исключает присутствия в ней мифа, но и ощущает на себе его влияние. Не случайно Н. Хренов указывает на то, что «XX век стал в истории тем веком западной культуры, когда гипертрофированное историческое сознание «фаустовского» человека стало постепенно сдавать позиции перед активностью мифологического сознания, казалось бы, к этому времени уже успевшего угаснуть. Это обстоятельство свидетельствует о том, что закатывался не западный мир, как это предрекал Шпенглер, а распа-

далась лишь система ценностей, что определяла ценностные ориентиры продолжительного отрезка времени, начавшегося с распадом Средневековья» [3, с. 303]. Продолжая свою мысль, Н. Хренов справедливо указывает на то, что «западная мысль в лице Шпенглера возвращалась в свою мифологическую стихию, не переставая быть научной мыслью. Необходимо было вернуть утраченную архетипическую стихию мышления, что и делает Шпенглер» [3, с. 305].

Несмотря на явное преобладание в современной культуре эволюционистских идей, по сравнению с идеями, содержащими элементы повторения, циклическая парадигма культуры по-прежнему сохраняет свою актуальность. Данное утверждение основывается на двух объективных причинах. Первая причина заложена в противоречивой природе самого прогресса, а также его неспособности решать на протяжении исторического развития проблемы общечеловеческого и общекультурного характера. Вторая причина сокрыта в потребности сохранения базисных установок культуры и её устойчивых духовных ориентиров на фоне нестабильной социокультурной ситуации в условиях трансформирующегося общества. Отсюда проистекает неосознанное стремление современного человечества удержать в культурной памяти мифорелигиозные архетипы, возникшие на ранних этапах становления культуры, содержащие информацию об идеальном прошлом культуры и человеческого общества, которое в силу определенных обстоятельств было им утрачено. На протяжении всей своей истории человечество в многочисленных утопических теориях пыталось воссоздать некое подобие утраченного идеального состояния. Такие интенции вызваны безудержным экзистенциальным стремлением к обретению бессмертия, полноты бытия, к тому состоянию, которое позволит человеку преодолеть свою конечность и достичь полноты самовыражения.

* * *

1. Генон Р. Царство количества и знамения времени / пер. с фр. Н. Тирос. М. : Беловодье, 1994. 304 с.
2. Мартысюк П. Г. Мифосемантические основания циклической парадигмы культуры: монография. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2014. 256 с.
3. Хренов Н. А. Воля к сакральному. СПб.: Алетейя, 2006. 571 с.